

РУССКАЯ КЛАССИКА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЭПОХ

Т. В. ЗВЕРЕВА

*(Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Россия)*

УДК 821.161.1-1(Зеленцов И.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)64-8,45

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛИЯ: МЕТАМОРФОЗЫ ЖАНРА В СТИХОТВОРЕНИИ ИВАНА ЗЕЛЕНЦОВА «ЗАБЫТЫ СТРАХИ, УЖАСЫ ВОЙНЫ...»

Аннотация. В статье рассмотрена проблема жанровой трансформации идиллии на примере стихотворения Ивана Зеленцова «Забыты страхи, ужасы войны...». Данный текст содержит в себе все традиционные элементы идиллии, и автор утверждает право героев (Адольфа Гитлера и Евы Браун) на гораццианский идеал «малого счастья». Стихотворение вписывается в постмодернистское видение мира с его установкой на альтернативную историю. Провоцируя читателя, Зеленцов снимает важнейший вопрос об ответственности человека за содеянное: в авторской концепции история не делается, а случается, всецело подчиняя себе субъекта.

Данный текст также обращен к Иов-ситуации, но в значительное мере изменяет ее философский смысл. Если в Библии речь шла о необъяснимости Бога, испытующего праведника, то в стихотворении Зеленцова речь заходит об иррациональности высшей воли, вознаграждающей за зло. В результате инверсии библейского сюжета возникает образ абсурдной, «перевернутой» реальности, обнаруживающей Божественную слепоту. Скрытый смысл стихотворения «Забыты страхи, ужасы войны...» не в постмодернистской игре в переписывание исторического сюжета, а в обнаружении зыбкости границы, отделяющей ад от рая, идиллию от трагедии.

Ключевые слова: лирика; жанр; идиллия; Иов-ситуация; постмодернизм; история.

В контексте русской культуры словосочетание «современная идиллия» заведомо несет на себе печать иронии. И дело здесь не только в М. Е. Салтыкове-Щедрине, чье произведение обессмертило это выражение и навсегда придало ему форму оксюморона. Дело в исходных конструктивных принципах жанра, направленного на изображение идеального мира, противопоставленного реальному. Русская сло-

весность всегда несла в себе заряд негативного отношения к существу, именно поэтому утверждающий пафос идиллии чужд нашей ментальности. На протяжении XVIII–XXI вв. идиллия находилась на периферии литературного процесса, а ее изучение носило несистемный характер. У истоков философского самоопределения идиллии в отечественном литературоведении стоит имя М. М. Бахтина [Бахтин 1975: 373–391]. Выявив конструктивные принципы жанра, исследователь ограничил свои изыскания классическим романом. Впоследствии интерес ученых-филологов был сосредоточен преимущественно на материале классической литературы [Вацуро 2000: 517–540], [Саськова 1999], [Есаулов 1990: 30–31], [Пахсарьян 2004: 3–10] и пр. Первой попыткой наиболее полного описания функционирования подобного рода текстов в русской поэзии XX–XXI вв. была предпринята Е. А. Балашовой [Балашова: 2014]. Именно в данном исследовании в качестве одного из многочисленных примеров современного бытования жанра впервые привлекается стихотворение Ивана Зеленцова «Забыты страхи, ужасы войны...». В задачи Е. А. Балашовой не входил развернутый анализ текста, привлечшего наше внимание и ставшего предметом последующих размышлений.

Имя Ивана Зеленцова не так хорошо известно широкому кругу читателей, что связано, прежде всего, с непростой общекультурной ситуацией, требующей от поэта не только хороших стихов, но и верной жизнетворческой стратегии. Как отметил в своей книге, посвященной поэзии «бронзового века», Д. Бак, «...стихи могут обрести “широкую известность” только в случае наличия какого-то внешнего, необязательного довеска: актуальной сатиры (случай Дмитрия Быкова) или эстрадной визуальности (случай Веры Полозковой)» [Бак 2015: 11]. В противном случае поэтические тексты растворяются в стихии интернет-пространства: публикация текстов на портале «Стихи.ру» заведомо не гарантирует автору известности. Два сборника Ивана Зеленцова – «Гляделки с бездной» (2014) и «Письмо не салфетке» (2007) – вышли минимальным тиражом и практически недоступны читателю. Наиболее целостная подборка стихотворений поэта имеется на портале «Современная русская поэзия», декларирующем связь с классической традицией и отчитывающем свой календарь от даты смерти Пушкина (на момент написания данной статьи прошло 65950 дней со дня смерти первого поэта). Даже самое поверхностное знакомство со сборниками указывает на то, что поэзия Зеленцова входит в лучшие образцы российской словесности. Замечательно, что стихи теснейшим образом связаны с предшествующей традицией: множество реминисценций и аллюзий на поэзию XIX–XX вв. подтверждают это.

Стихотворение «Забыты страхи, ужасы войны...», имеющее в некоторых вариантах название «Идиллия», – одно из самых провокационных в современной поэзии. Приведем его полностью:

Забыты страхи, ужасы войны,
аресты, взрывы. Может быть, впервые
они по-настоящему вольны,
свободны и легки, как перьевые
надмирные седые облака.
Вдоль по аллее маленькой усадьбы
они плывут вдвоём – к руке рука
(о, этот миг Ремарку описать бы!)
Их не заботят прошлые дела.
Всё меньше снов. Всё больше белых пятен
на карте памяти. По-прежнему мила,
по-прежнему подтянут и опрятен.
Всё тот же блеск в глазах, хотя сосед
не узнаёт на старом фотоснимке...
Кошмарной какофонии газет
предпочитая фильмы и пластинки,
они не знают свежих новостей,
да и несвежих знать бы не хотели.
Не ждать гонцов, не принимать гостей
и до полудня нежиться в постели –
чего ещё желать на склоне лет,
тем, кто так долго был игрушкой рока?
Есть пара слуг, терьер, кабриолет,
уютный домик – позднее барокко,
внутри – шелка, добытые с трудом
ковры, скульптуры, редкие картины...
Им нравится тянуть бурбон со льдом,
считая звёзды в небе Аргентины,
и на лужайке, наигравшись в гольф,
сидеть с корзинкой ветчины и хлеба...

– Подай кофейник, ангел мой, Адольф!
– Какой чудесный день, не так ли, Ева? [Зеленцов]

При первом прочтении текста реферативный план скрыт – имена героев не угадываются (или почти не угадываются) вплоть до заключительного двустушия. Исходя из того, что «...всякий текст есть до некоторой степени загадка, который имеет разгадку, но зависит от степени понимания текста, от его истолкования» [Щерба 1974: 78], можно воспринимать стихотворение Зеленцова как текст-загадку, в котором

две части в известном смысле тавтологичны и вторая часть (ответ) неизбежно возвращает к первой (вопрос). Возвращение к началу разрушает линейное развертывание смысла: неожиданный финал заставляет читателя пересмотреть свое первичное восприятие и задаться множеством философских вопросов, касающихся концепции современного мироздания.

Прежде всего, данное стихотворение вписывается в постмодернистское видение мира с его установкой на альтернативную историю. Автор переписывает знакомый исторический сюжет, еще раз актуализируя вопрос о загадочной смерти Гитлера и Евы Браун. Вплоть до сегодняшнего дня историками предпринимаются попытки проникнуть в тайну гибели Гитлера (последний нашумевший бестселлер – книга аргентинского писателя-документалиста Аделя Басти «Гитлер в Аргентине», где были впервые опубликованы засекреченные архивные данные и представлены свидетельства очевидцев). Несмотря на то, что ни одна из версий, в том числе и об аргентинском существовании фюрера, не является окончательно признанной, расследования подобного рода будоражат интерес к судьбе одной из самых зловещих фигур XX века. Безусловно, стихотворение И. Зеленцова не претендует на какое-либо место в этих спорах. Если автор что-то и оспаривает, то не отдельные факты, а историю как таковую: историческое время вновь обнаруживает свою зыбкость, предположительность. Сюжет «переписывания сюжета», блестяще начатый Татьяной Толстой (рассказ «Сюжет»), нашел свое продолжение в творческой лаборатории И. Зеленцова. При этом авторская провокация связана не с проверкой истории на истинность, а с постановкой важнейших вопросов об ответственности человека перед ней.

Герои стихотворения помещены в рамки идиллии. Прежде, чем приступить к анализу текста, обратимся к онтологическим свойствам этого жанра. Идиллия обращена к идее вневременного порядка, созданного самим Творцом, к описанию еще «не падшего» мира, как бы не помнящего о времени и смерти. Отсюда не только принцип ахронного изображения событий, но и характерное для идиллии прекращение всякой процессуальности. Возникающая здесь архетипическая картина рая не может быть разрушена дальнейшим течением событий, так как идиллия восходит к аутентичному пространству, исключаящему возможность метаморфозы. В одном из своих исследований И. Есаулов отмечает: «В произведении идиллической целостности (художественности) можно выделить зоны отрицания и утверждения, отталкивания и притяжения. Здесь художественно утверждается, прежде всего, гармония, лад героя с некими вечными, изначальными ценно-

стями жизни человека (то, что приобщает его к миру других, независимо от их роли в миропорядке). Вместе с этим происходит отрицание возможности самореализации героя посредством разобщения с другими (социальной средой, жизнеукладом, культурой и т.д.). В произведении художественной идилличности зона отрицания не имеет (не в силах иметь) самодовлеющего значения, она сама ведет к утверждению идиллического видения мира» [Есаулов 1991: 23]. Внутренняя установка жанра – признание гармоничного замысла Творца о человеке и его месте в мире.

Даже самое поверхностное чтение стихотворения «Забыты страхи, ужасы войны...» выявляет все элементы идиллического жанра:

1. наличие эпической дистанции, отделяющей прошлое от настоящего («Забыты страхи, ужасы войны», «их не заботят прошлые дела», «все больше белых пятен на карте памяти», «сосед не узнает на старом фотоснимке»);

2. пространственная обособленность героев («они не знают свежих новостей», «не ждать гонцов, не принимать гостей...»);

3. отсутствие движения во времени («по прежнему мила», «по прежнему подтянут и опрятен»);

4. наличие традиционного идиллического лексикона («маленькая усадьба», «уютный домик», «лужайка», «корзинка»);

5. любовный идиллический сюжет, разворачиваемый вне времени («они плывут вдвоем – к руке рука», «по-прежнему мила, по-прежнему подтянут и опрятен», «нежиться в постели», «ангел мой, Адольф»).

6. насыщенность бытовыми деталями, наполняющими идиллическое пространство («терьер», «кабриолет», «шелка», «ковры», «редкие картины», «корзинка с ветчиной и хлебом», «кофейник»). Знаменитое утверждение Бахтина – «идиллия не знает быта» [Бахтин 1975: 374] – не противоречит данному наблюдению, поскольку выделенные бытовые детали образуют сущностное бытие героев

Итак, автор утверждает безусловное право героев на горацанский идеал «малого счастья». Адольф и Ева выброшены за пределы катастрофической истории («кошмарной какофонии») в пространство, в котором отсутствует движение времени. Идиллическое время бросает вызов времени историческому. Отрицая наличие истины и утверждая принципиальную множественность различных точек зрения, постмодернизм подвергает сомнению не только отдельные исторические факты, но и право истории на последовательное развертывание во времени. (Как сказано в одном из стихотворений И. Зеленцова: «Безвременье такое, что можно смело отменить часы и календарь» [Зеленцов].) Употребление глаголов несовершенного вида настоящего вре-

мени и использование инфинитивных и назывных конструкций приводит к разрушению временных рамок: герои обретают вечное райское бытие. В результате время оборачивается Вечностью, смерть – бессмертием. Идиллия становится заслуженной наградой для героев за пережитые ими катаклизмы: «чудесный день» поглощает «страхи», «ужасы», «взрывы», уже почти стертые с карты памяти. Вообще следует обратить внимание на вертикальную структуру художественного пространства: автор намеренно подчеркивает открывшуюся героям связь с небесным божественным миром («свободны и легки, как перьевые надмирные седые облака», «считая звёзды в небе Аргентины»).

Присущая постмодернистской эстетике «игра в историю» касается и глобальных концепций, связанных с пониманием самой сущности исторического процесса. В «Идиллии» герои – всего лишь «игрушки рока», жертвы надличной воли. Зеленцов как бы снимает важнейший вопрос об ответственности: в авторской концепции история не делается, а *случается*, подчиняя себе субъекта, снимая с него ответственность. Показательно, что тема игры является сквозной в стихотворении. В заключительной его части «игра рока» заменена безвинной игрой в гольф. (Интересно, что зародившаяся в Шотландии игра в гольф была изобретена пастухами, которые с помощью посохов загоняли камни в кроличьи норы. Название игры, таким образом, также косвенно указывает на пастораль). Само имя Ева в силу исходной принадлежности мифу обращает читателя к дням первотворения. В свою очередь имя Адольф, с одной стороны, соотносится со словом «ад», с другой – с «Адамом». В результате подобных смысловых приращений пара Гитлер и Евы Браун уподоблена архетипической – Адаму и Еве. Это утверждение подтверждается строками из стихотворения «Третий Рим», где также налицо авторская игра с именами:

Мир состоит из потомков Адольфа и Евы,
секса и алчности – как ни крути, всё равно
близко от Третьего Рейха до Третьего Рима,
как и до первого, впрочем, с похожей судьбой.
[Зеленцов].

Привычный для русской словесности сюжет «потерянного рая» Зеленцов трансформирует в сюжет «обретенного рая». Не случайно в стихотворении возникает ироничный диалог с Ремарком, писавшем о невозможности жизни после войны. В отличие от «не вернувшихся» ремарковских героев Адольф и Ева возвращаются в рай. В 1949 г. философ Т. Адорно поставил вопрос о праве европейской куль-

туры на дальнейшее существование: «Писать стихи после Освенцима – это варварство» [Адорно 2001: 123]. Пытаясь осмыслить трагический опыт Второй мировой войны и говоря о вине немецкой нации, К. Ясперс выделил четыре рода ответственности: уголовную, политическую, моральную и метафизическую [Ясперс 1999: 38–60]. В своем тексте И. Зеленцов (кстати, юрист по образованию) демонстрирует отказ современной культуры от всякого рода ответственности. Оказалось, что можно не только продолжать писать стихи, но и даровать если не свет, то хотя бы покой тому, кто Освенцим создал. Отсюда кощунственная двусмысленность финала, заключающаяся в употреблении слова «ангел».

Именно в финале звучит откровенная ирония, сквозь которую пробивается трагический голос автора. Не случайно стихотворение написано пятистопным ямбом. Как в свое время заметил Б. В. Томашевский, пятистопный ямб долгое время считался «трагическим стихом», поскольку получил широкое распространение в стихотворной трагедии начала XIX века [Томашевский 1959: 365] Семантический ореол метра подспудно накладывает на текст трагические смыслы. Зеленцов демонстрирует пугающую способность современной культуры переставлять акценты, переиначивать историю. (В скобках отметим, что смещение этических ориентиров уже давно перестало быть только постмодернистской игрой и характеризует российское общество в целом. Так, например, в феврале 2017 года глава «Лаванда-центр» Лев Гудков в интервью «Радио Свобода» огласил, что Сталин вышел на первое место среди самых великих людей человечества. Если в 2001 году с восхищением, уважением или симпатией к нему относились 38% респондентов, в 2012-м – 28%, то в январе 2017 г. таких оказалось 46%. Это самый высокий показатель за всю историю подобных опросов [Кузнецов].) История – это всегда взгляд из настоящего, обращенный в прошлое. Оправдание истории, свойственное современному миру, модифицируется в оправдание зла, и этот процесс чутко уловлен в «Идиллии».

Существование высшей правды всегда примиряло человека с несправедливостью и абсурдностью бытия. Зеленцов вновь возвращает русскую литературу к проблемам, поставленным А. С. Пушкиным («Все говорят: нет правды на земле. // Но правды нет – и выше...») и Ф. М. Достоевским («Если Бога нет, то все позволено»). Пустота небес, их слепота связаны с отсутствием наказания за сотворенное зло. На наш взгляд, в стихотворении «Забыты страхи, ужасы войны» автор косвенно обращается к «Книге Иова». «Иов-ситуация, – говорится в одном из современных словарей, – ситуация абсурда, утрата людьми

осмысленности своего существования в условиях незаслуженных страданий и лишений» [Яценко 1999: 126]. Сегодня «Иов-ситуация» вывернута наизнанку. Если в Библии речь шла о необъяснимости Бога, испытывающего праведника, то в стихотворении Зеленцова речь также заходит об иррациональности высшей воли, но только теперь Бог вознаграждает человека за содеянное. Соответственно, смещаются смысловые акценты. Непостижимая воля Творца оборачивается абсолютным равнодушием Бога по отношению к созданному им миру. Ситуация оставленности, по мнению автора, – универсальная (архетипическая) ситуация человеческой культуры:

История, уж если без затей,
сплошной сюжет про брошенных детей.
Они, устав от игр своих и драк,
порою отправляются на поиск
отца. Но видят только боль и мрак,
куда б ни ехал их нескорый поезд [Зеленцов].

В результате инверсии библейского сюжета возникает образ абсурдной, «перевернутой» реальности, обнаруживающей Божественную слепоту. Парадокс «Идиллии» как раз и заключается в том, что в мире «боли и мрака» Гитлер достоин идиллии. Заметим, что в рамках современной культуры все чаще авторы апеллируют к сюжету о не наказании зла (например, сквозной сюжет фильмов А. Звягинцева – «Елена», «Левиафан», «Нелюбовь»). Отмена Страшного суда – это и есть *уже свершившийся* суд над человечеством.

Таким образом, Иван Зеленцов создает образ «перевернутой» реальности, кромешного мира. «Если долго всматриваться в бездну – бездна начнет всматриваться в тебя», – именно это знаменитое изречение Ф. Ницше становится эпиграфом к поэтическому сборнику «Гляделки с бездной». Бездна, почти по-тютчевски, обнажает свои глубины даже в таком жанре как идиллия. Думается, что главный смысл стихотворения «Забыты страхи, ужасы войны...» – в страшной близостирая и ада (идиллии и трагедии), призрачности границы, отделяющей одно от другого. Заметим, что апелляция к слову «ад» – характерная черта зеленцовской поэзии. Самым ярким примером подобного обращения является «Репортаж из редакции», поэтический текст, намеренно ориентированный на прозаическую форму: «То ль судьбина забросила сети, то ли счастье меня принесло в городской ежедневной газете репортерское грызть ремесло и посильную вкладывать лепту в рабский труд независимых СМИ: новостную просматривать ленту и писать с десяти

до семи обо всем, что на свете творится. А такое на свете творят – тихий ужас, но, как говорится, не сдастся наш гордый “Варяг”. Непрерывно по самой по кромке происшествий и бедствий скользя, мы из тихого делаем громкий, потому что иначе нельзя...» [Зеленцов]. В финале стихотворения автор обнаруживает, что работает в редакции «Вестника ада». «Вестник ада» – самоопределение современного поэта, пытающегося найти точку опоры в разрушающемся мире, где билет на «Титаник» уже продан:

Усталый снег ложится на мирок,
мороз жует шаги, как черствый пряник.
Бабуля в холле выдаст номерок –
пластмассовый билетик на "Титаник" [Зеленцов].

Впрочем, надежда на избавление от безумного мира в стихах Зеленцова все же присутствует. И человечество еще не изобрело лучшего способа сопротивления нежели поэтическое творчество:

О чём писать? Хотя бы о звезде,
чей тусклый свет из городского смога
хоть иногда, но виден, и везде
тебя хранил до времени – от Бога,
от смерти, от любви и от судьбы...
...И белый лист – кромешная дорога –
тебя уже ведёт. Считай столбы –
есть время. До судьбы, любви и Бога [Зеленцов].

ЛИТЕРАТУРА

Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М. : Серебряные нити, 2001. 416 с.

Бак Д. Сто поэтов начала столетия : Пособие по современной русской поэзии. М. : Время, 2015. 576 с.

Балашова Е. А. «И пастушок, привитый вместо оспы...» : история развития жанра идиллии в русской поэзии XX–XXI вв. Калуга : КГУ им. К. Э. Циолковского, 2014. 352 с.

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Худож. лит., 1975. 504 с.

Вацуру В. Э. Пушкинская пора. СПб. : Академический проект, 2000. 624 с.

Есаулов И. А. Идиллия и идиллическое (к разграничению типа художественности и жанра) // Проблемы литературных жанров. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 30–31.

Есаулов И. А. Эстетический анализ литературного произведения. Кемерово : Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 1991. 90 с.

Зеленцов И. Стихи / И. Зеленцов // Современная русская поэзия. URL: <https://modernpoetry.ru/contemporary/ivan-zelencov-stihi> (дата обращения: 24.08.2017).

Кузнецов А. Тогда не жил, но одобряю // Профиль. URL: <http://www.profile.ru/obsch/item/115266-putin-brezhnev-i-stalin> (дата обращения: 30.08.2017).

Пахсарьян Н. Т. Свет и тени пасторали в новое время : пастораль и меланхолия // Пасторали над бездной : сб. науч. трудов. М. : Изд. дом «Таганка» МГОПУ им. М. А. Шолохова, 2004. С. 3–10.

Саськова Т. В. Пастораль в русской поэзии XVIII века. М. : МГОПУ, 1999. 166 с.

Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л. : Учпедгиз, 1959. 525 с.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. 428 с.

Ясперс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. М. : Прогресс, 1999. 146 с.

Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб. : Лань, 1999. 528 с.

REFERENCES

Adorno T. Issledovanie avtoritarnoy lichnosti. M. : Serebrya-nye niti, 2001. 416 s.

Bak D. Sto poetov nachala stoletiya: Posobie po sovremennoy rus-skoj poezii. M. : Vremya, 2015. 576 s.

Balashova E. A. «I pastushok, privityy vmesto ospy...» : istoriya razvitiya zhanra idillii v russkoj poezii XX–XXI vv. Kaluga : KGU im. K. E. Tsiolkovskogo, 2014. 352 s.

Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let. M. : Khudozh. lit., 1975. 504 s.

Vatsuro V. E. Pushkinskaya pora. SPb. : Akademicheskij proekt, 2000. 624 s.

Esaulov I. A. Idilliya i idillichesкое (k razgranicheniyu tipa khudozhestvennosti i zhanra) // Problemy literaturnykh zhanrov. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1990. S. 30–31.

Esaulov I. A. Esteticheskiy analiz literaturnogo proizvedeniya. Kemerovo : Izd-vo Kemerovskogo gos. un-ta, 1991. 90 s.

Zelentsov I. Stikhi / I. Zelentsov // *Sovremennaya russkaya poeziya*. URL: <https://modernpoetry.ru/contemporary/ivan-zelencov-stihi> (data obrashcheniya: 24.08.2017).

Kuznetsov A. Togda ne zhil, no odobryayu // *Profil'*. URL: <http://www.profile.ru/obsch/item/115266-putin-brezhnev-i-stalin> (data obrashcheniya: 30.08.2017).

Pakhsar'yan N. T. Svet i teni pastoral' v novoe vremya : pastoral' i melankholiya // *Pastoral' nad bezdnoy : sb. nauch. trudov*. M. : Izd. dom «Taganka» MGOPU im. M. A. Sholokhova, 2004. S. 3–10.

Sas'kova T. V. Pastoral' v russkoy poezii XVIII veka. M. : MGOPU, 1999. 166 s.

Tomashevskiy B. V. Stilistika i stikhoslozhenie. L. : Uchpedgiz, 1959. 525 s.

Shcherba L. V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. L. : Nauka, 1974. 428 s.

Yaspers K. Vopros o vinovnosti. O politicheskoy otvetstvennosti Germanii. M. : Progress, 1999. 146 s.

Yatsenko N. E. Tolkovyy slovar' obshchestvovedcheskikh terminov. SPb. : Lan', 1999. 528 s.